

В больницу не пускали. Передачи принимали прямо у входа, через проём в стеклянной двери. Медсестра толстыми пальцами прощупывала пакеты, лихо скручивала ручки узлами и сваливала мешки в кучу на каталку.

«Прям как шеи гусям сворачивает», — с неприязнью подумала Таня.

— А когда передадут? — робко спросили из очереди.

— Завтра, — отрубил сестра. — А может, и позже. Как получится.

— Но мне нужно сегодня, — растерялась Таня. — Там подгузники, витамины, врач сказал...

— Вас тут много, а я одна. Вот с ним договаривайтесь, может, и отнесёт, — сестра кивнула на санитаря в мятом халате.

Тот подскочил, ослабил:

— Сделаем, у вас какая палата? Если срочно, триста рублей. Доставим в лучшем виде.

За спиной вздыхали, очередь с сумками изнывала. Таня послушно полезла за кошельком.

На улице она стянула с лица маску и закашлялась. За крыльцом курили двое в белых халатах. Посмотрела наверх: у окна второго этажа стоял её бывший муж, Олег. Не шибко изменился, разве что похудел ещё сильнее. Он всегда был таким: ни роста, ни стати, тощий, как пацан. Бритый наголо, до синевы, теперь уже лысый. С годами по лицу расплзлись морщины, но возраста почти не прибавили. Вечный новобранец. Заспиртованный.

Таня привстала на цыпочки, помахала. Никакой реакции. Застыл и тарачит-ся — не то в небо, не то на себя любимого в стекле.

— Странно: психбольница, а решёток на окнах нет, — подумала она вслух.

— А зачем решётки? Город у нас тихий. И психи тихие, — парень гоготнул, выпустил дым. — Лечат, кормят. Куда им бежать?

— Раньше были решётки, — отозвался второй. — Давно сняли. Пожарные запретили: сказали, не положено, вдруг что. Оно и лучше, окна мыть удобнее.

— Когда их тут мыли-то, скажешь тоже, — сплюнул первый.

Во дворе психушки отцветали розы. Тянули стебли к бледному осеннему небу, качали растрепанными бутонами. Таня спряталась носом в жёлтый цветок и тут же отпрянула: в бутоне загудело. Пчела взвилась и рванула к солнцу сквозь паутину волос, вжикнула над ухом.

Таня охнула, схватилась за голову. Сумка глухо брякнула об асфальт.

Через секунду всё было кончено. Она тупо смотрела под ноги. Пчела лежала у каблука, дёргала прозрачными крыльями. Раздавить, чтоб не мучилась?

Ей вдруг стало жаль до слёз, всё и всех: мужа, застывшего в тёмной раме, погибшую пчелу, тонкие лепестки в куче ржавых листьев. Таня зло встряхнула рыжими кудрями, будто в них запуталась ещё дюжина встревоженных пчёл. Перешагнула и быстро зашагала к воротам.

Дома Таня откупорила бутылку вина: тот редкий случай, когда на трезвую голову не переварить.

Что ж, к этому всё шло, сказала она себе. Пьянство, развод. Потеря работы, квартиры, теперь вот психушка — допился до чертей.

Врач, который звонил ей утром, белую горячку не подтвердил, но и не отрицал.

— Не совсем так, то есть дело не только в алкоголизме, — психиатр говорил тихо, вкрадчиво, как с пациенткой. — У вашего мужа, простите, бывшего мужа, шизофрения, и мы не вполне понимаем... Галлюцинации, бред, тут может быть разная этимология, наследственность... Говоря простыми словами, голова — предмет тёмный, но всё лечится, вы не переживайте.

Таня не переживала. Она злилась и хотела спросить, но язык не поворачивался. Почему позвонили ей? Больше никому?

Как оказалось, никому. Из родных и близких Олег вспомнил только бывшую жену, просил найти. Удружил, нечего сказать.

Врач ещё раз извинился, попросил привезти памперсы, одноразовые простыни, салфетки. В больнице ковидный режим, всё сложно, но передачу можно. Нет, он ходячий, но больные не всегда адекватны, иногда требуется особый уход, гигиена...

— Я привезу, — сухо перебила Таня. — Пожалуйста, давайте без этих подробностей. Адрес больницы, сколько, во сколько?

Больница была на другом конце города, и ей пришлось отменить планы, но она приехала. А кто бы не приехал?

Всё было понятно ещё пять лет назад, когда Олег слетел с последней работы и втихаря от жены таскал в ломбард свои вещи: цепочку, часы, планшет. Тогда она ещё билась за него, возила по врачам между запоями, пыталась кодировать.

Потом их развели, и Олег подписал договор о продаже квартиры. Риелтор брезгливо отводила взгляд от его голой головы — бугристой, уродливой, в кри-вых отметилах бритвы. На Таню смотрела понимающе, с хитринкой, будто они сообщницы. Олега отвезли в коммуналку, Таня переехала в двушку. Слава богу, адреса бывшей жены он не знал, и спросить было не у кого: она перебралась из пригорода в центр, подальше от общих знакомых.

Хорошо, хоть квартиру удалось разделить — бывший муж безропотно подписал документы, не сказав ни слова. Олег любил её и подписал бы всё что угодно, даже трезвый. Ему было всё равно, где и как жить, лишь бы пить каждый день и видеть Таню, хотя бы изредка. Он верил, что всё наладится: пить он будет меньше, а Таню видеть чаще. Она уже не верила.

Таня подтянула к шее клетчатый плед, глотнула ещё вина. Внутри разлилось спасительное тепло. Когда уже включают эти чёртовы батареи? Как там сейчас, в больнице? Представила тощее тело под казенным одеялом, поёжилась.

Ну да, любил. И жалел. Было и хорошее. Но себя он жалел больше, иначе не скатился бы так после кризиса. Первое время и Таня жалела: шутка ли, потерять бизнес, который строил полжизни, складывал по кирпичику. Долго терпела, тянула — в школе на две ставки, вечером ученики, дипломы на заказ. Потом устала, бросила всё разом: мужа, школу, учеников. Переехала. Остались только заказы, и ей одной хватало вполне.

Хватит жалеть. В конце концов, это он испортил ей жизнь, если бы не муж, она могла бы... О том, что она могла, думать не хотелось. Ребёнок. Карьера. Личная жизнь. Всего этого нет и уже не будет, нечего и думать. Из всего, о чём мечталось, сбывлась только квартира. Все поезда ушли.

Таня вздрогнула от звонка, проснулась. Будильник, что ли? Взглянула на телефон: три часа ночи. Наревелась вчера, вырубилась перед телевизором. Доктор Хаус задумчиво кидал мячик в стену, угадывая диагноз. И тут больница, ну не дурдом ли.

В дверь позвонили. Она дёрнула рукой, зацепила поднос. Бокал грохнул на пол, отозвался стеклянным эхом.

Прокралась к двери, стараясь не наступать на осколки. Щурясь в глазок, прислушалась.

— Кто там?.. Кто?

«Конь Барто в кожаном пальто», — пропел в голове голос мужа. Бывшего мужа. Он шутил глупо, как ребёнок. Когда-то ей казалось, что это смешно.

На площадке не было ни души.

Таня решительно распахнула дверь, огляделась. Ну, так и есть: никого. Сонная тетеря, пить надо меньше. Закрыла дверь, пошла на кухню за шваброй — убрать стекло, хотя бы в угол замести, пока не поранилась. Не включать же пылесос в три ночи.

В комнате был Олег. В серой больничной пижаме со штампом на ноге, босой. Сидел на краешке кресла и улыбался.

— Ты... Как ты сюда попал, чёрт возьми? — Таня отступила, глубже запахла халат.

— Ты же сама меня впустила, Тань. — Олег засмеялся. — Дверь открыта. Да не бойся ты, я скоро уйду. Посмотрю на тебя и пойду. Я на минутку, погреться зашёл.

— Ты что, сбежал? Босиком? Там конец сентября, на минутку. Зима близко.

Он болен, болен, он бежал из психушки. Таня понимала, что говорит не то, и надо что-то делать — звонить в больницу, в скорую, но так и вращалась в пол, боясь шагнуть.

— Вроде того, сбежал, — весело сказал Олег. — Не бойся, я не буйный. Я сучал по тебе, очень.

Таня протёрла мокрые глаза. Снится он ей, что ли?

— Тише, Танечка, не плачь, — пропел он весело. — Помнишь, Тюша?

Ещё бы она не помнила. Олег пел этот дурацкий стишок каждый раз, когда она плакала. Звал её Тюшей — утешительно-ласкательно, как он говорил. Странно, но раньше это и впрямь утешало. Потом поводов для слёз стало больше, а от его инфантильных песенок хотелось убиться об стену.

— Всё хорошо будет, Танюша. Прости меня. Рад был тебя повидать, — Олег поднялся и пошёл мимо неё к двери.

Она отшатнулась, нашла-таки пяткой стекло и ойкнула, схватившись за ногу. Дверь в прихожей чуть слышно щёлкнула. Ушёл.

Чертыхаясь, прохромала к дивану, нашла телефон. Пальцы дрожали. 8, 8, 0, 0, 8... «Ваш звонок очень важен для нас», ну конечно, так сильно важен, что все операторы заняты! Спят, сволочи, пока у них тут психи разгуливают в пижамах. Босиком по лужам, в сентябре. Куда вот он теперь, кто его пустит?

8, 8, 0, 0... Бесполезно. Придется ждать до утра. Надо было оставить его всё-таки, остановить, уложить. Чего она испугалась? Муж не выглядел психом — он был спокойным, весёлым и трезвым как никогда. Таня кое-как замотала ногу, легла и зарылась лицом в пушистый плед.

К семи утра справочная не проснулась. Механические голоса грозили пандемией, настоятельно рекомендовали не выходить из дома и оставаться на линии. Пришлось собираться. Ехать до больницы не меньше часа, но до этого дурдома было проще доехать, чем дозвониться.

Автобус катился медленно, засыпая в пробках вместе с пассажирами. Посчитал колесами лежачих полицейских, вздрогнул и заглох перед железнодорожным переездом. Таня надвинула маску до самых ресниц, сомкнула набрякшие веки.

— Эдак мы до вечера не приедем, — заворчал мужской голос за её спиной. — Вечно тут аварии, пьяные гоняют, а мы в пробке стоять должны.

Наконец, автобус всхрипнул и поехал. Таня закопошилась, полезла в сумку: в глубине мелкой дрожью звонил мобильник.

— Татьяна Александровна? Доброе утро, врач Портнов, мы с вами говорили вчера. Извините, ночью не хотели вас беспокоить. Вчера ваш муж, то есть, простите, бывший муж...

— Я знаю, он сбежал, — перебила Таня. — Он был у меня, я до утра звонила, но до вас как до Смольного. Вы нашли его?

— Да, он покинул больницу, это и наша вина тоже, идёт проверка... Вчера ваш муж скончался, соболезную.

Таня молчала в трубку, судорожно сглатывая.

— Вы меня слышите, Татьяна Александровна? Я позвоню вам позже, надо решить... Ещё раз, примите соболезнования.

— Да, да, я слышу, — глухо отозвала Таня. — Погодите, не вешайте... Когда это случилось?

— После отбоя разбил стекло. Вероятно, он был в бреду, вылез в окно, мы искали. Понимаете, человек не в себе... Дошёл до станции, темно, поезд шёл, и машинист не успел... Насмерть. В 23.50. Последний поезд.